

Смерть лорда Эджвера

Автор:

[Агата Кристи](#)

Смерть лорда Эджвера

Агата Кристи

Эркюль Пуаро

Американская актриса Джейн Уилкинсон уже давно не скрывала, что хотела бы расстаться со своим мужем, лордом Эджвером. Ведь у нее на примете был мужчина и познатнее, и побогаче... Поэтому, когда Эджвера нашли мертвым у него в кабинете, ни у кого не возникло сомнений в виновности Джейн. Тем более что некоторые обстоятельства указывали на ее прямое участие в смерти мужа. Актриса попросила великого детектива Эркюля Пуаро помочь ей спасти свое имя от несмываемого позора. Но как сыщик может поверить Уилкинсон, что она невиновна, если совсем недавно новоиспеченная вдова просила Пуаро совсем об иной услуге - помочь ей избавиться от своего мужа?..

Агата Кристи

Смерть лорда Эджвера

Посвящается доктору и миссис Кэмпбелл Томпсон

Глава 1

Вечер в театре

Память публики коротка. Вызвавшее пристальный интерес и ажиотаж убийство Джорджа Альфреда Сент-Винсент Марша, четвертого барона Эджвера, уже стало историей и забыто. Его место заняли другие сенсации.

Имя моего друга, Эркюля Пуаро, никогда открыто не упоминалось в связи с тем расследованием. Что, позволю себе заметить, в полной мере отвечало его собственным пожеланиям. Он вмешался в него не по собственной воле. Все лавры достались другим – и это его вполне устроило. Более того, на особый взгляд Пуаро, то дело было одной из его неудач. Он постоянно уверяет меня в том, что по верному пути его направила лишь случайная ремарка прохожего на улице.

Как бы то ни было, но то дело было раскрыто только благодаря его гению. Если бы не Эркюль Пуаро, сомневаюсь, что преступник получил бы по заслугам.

В связи с этим я чувствую, что настало время изложить на бумаге все, что мне известно. Я знаю все тонкости того дела, а еще, рассказав обо всем, я, признаюсь честно, исполню желание одной очаровательной дамы.

Я часто вспоминаю тот день, когда все мы сидели в тщательно прибранной маленькой гостиной Пуаро, и мой друг, расхаживая взад-вперед по ковровой дорожке, с неподражаемым мастерством посвящал нас в удивительные подробности того дела. Я хочу начать свое повествование оттуда же, откуда его повел и он, – из лондонского театра в июне прошлого года.

В тот период Карлотта Адамс была в большой моде. За год до этого она дала пару дневных спектаклей, которые имели огромный успех. В этом году у нее был трехнедельный ангажемент, и то был предпоследний вечер ее выступлений.

Американка Карлотта Адамс обладала удивительным талантом без грима и декораций в одиночку делать скетчи. Она с легкостью говорила, казалось, на всех языках. Ее скетч о вечере в иностранном отеле был потрясающим. На сцене друг за другом появлялись американские туристы, немецкие туристы, семейства английских буржуа, сомнительные дамочки, обедневшие русские аристократы и усталые сдержанные официанты.

Ее скетчи вели зрителя от грусти к веселью и обратно. От умирающей в больнице женщины из Чехословакии у всех на глаза наворачивались слезы, а горло сдавливал спазм. И в следующую минуту все покатывались от хохота, глядя на то, как дантист, занимаясь своим ремеслом, оживленно болтает со своими жертвами.

Программа Карлотты закрывалась тем, что она назвала «Имитации».

В этом Адамс опять показала себя на удивление искусной. Без какого-либо грима ее черты неожиданно растворялись – и складывались в лицо какого-нибудь знаменитого политика, или известной актрисы, или светской красавицы. В каждом образе она произносила короткую и очень характерную речь. Эти речи, кстати, были чрезвычайно умными. Они как бы подчеркивали все слабые стороны выбранного персонажа.

Одним из последних перевоплощений была Джейн Уилкинсон – молодая талантливая американская актриса, которую хорошо знали в Лондоне. Образ получился великолепно. С языка Карлотты одна за другой слетали глупости с таким сильным эмоциональным зарядом, что зрители поневоле чувствовали: каждое слово несет в себе мощное основополагающее значение. Красивый, с легкой хрипотцой голос, которым Карлотта владела с удивительным мастерством, действовал на всех завораживающе. Голос дополняли сдержанные жесты, каждый из которых был наполнен особым смыслом, и едва заметное покачивание тела, и вместе все это создавало впечатление сильной физической красоты – не представляю, как у нее это получалось!

Я всегда восхищался красавицей Джейн Уилкинсон. Она потрясла меня и в эмоциональном плане; и перед лицом тех, кто признавал ее красоту, но не считал ее актрисой, я утверждал, что она обладает удивительным талантом действовать на зрителя.

Я слушал так хорошо знакомый голос и те фаталистические перепады интонации, которые так часто брали меня за душу; я видел знакомые жесты – как медленно в страдании раскрывается и закрывается ладонь, как резким поворотом головы с лица отбрасывается прядь волос, – и мне было немного неуютно от этого, пока я не сообразил, что Карлотта Адамс всегда к закрытию давала драматическую сцену.

Джейн Уилкинсон была одной из тех актрис, что покидали подмости сразу после свадьбы, чтобы вернуться через несколько лет.

Три года назад она вышла замуж за богатого, но немного эксцентричного лорда Эджвера. Поговаривали, что вскоре после этого Джейн бросила его. Как бы то ни было, через полтора года после свадьбы она уже снималась в фильмах в Америке, а в этом сезоне сыграла в имевшей большой успех пьесе в Лондоне.

Наблюдая за Карлоттой Адамс в этой умной, но одновременно злобной имитации, я задался вопросом, сколько из этих воплощений видели сами прообразы. Понравилась ли им такая известность... такая своеобразная реклама? Или возмутило намеренное выставление напоказ их маленьких профессиональных хитростей – чем, по сути, представление и было? Не ставит ли себя Карлотта Адамс в положение соперничающего фокусника, который говорит: «О, это старый трюк! Все просто. Я покажу вам, как это делается»?

Я пришел к выводу, что если бы я был прообразом перевоплощения, то сильно возмутился бы. Конечно, я скрыл бы свое раздражение, но в глубине души мною владела бы обида. Нужно обладать величайшей терпимостью и отточенным чувством юмора, чтобы должным образом оценить это безжалостное экспозе?

Едва я сделал это умозаключение, как услышал сзади эхо очаровательного хриповатого смеха на сцене.

Я резко повернулся. В кресле прямо позади меня, чуть подавшись вперед и приоткрыв губы, сидел прообраз перевоплощения – леди Эджвер, известная всем как Джейн Уилкинсон.

Я сразу понял, что все мои умозаключения оказались неправильными. На лице Джейн Уилкинсон отражался восторг, ее глаза светились восхищением.

Когда «имитация» закончилась, она принялась громко аплодировать. Смеясь, повернулась к своему спутнику, высокому, очень красивому, похожему на греческого бога мужчине, в котором я узнал актера, прославившегося не только в кино, но и на сцене. Это был Брайан Мартин, самый популярный на тот момент герой экрана. Он и Джейн Уилкинсон вместе снимались в нескольких фильмах.

– Потрясающе, правда? – сказала леди Эджвер.

Он засмеялся.

- Джейн... у тебя такой восторженный вид!

- Но она действительно хороша! Глумится лучше, чем я думала.

Я не расслышал ответ Брайана Мартина - Карлотта Адамс начала новую импровизацию.

То, что случилось потом, я всегда буду считать очень любопытным совпадением.

После представления мы с Пуаро отправились ужинать в «Савой».

За соседним столиком расположились леди Эджвер, Брайан Мартин и еще двое незнакомых мне людей. Я обратил на них внимание Пуаро, и, пока разъяснял ему, кто есть кто, столик через один от нас заняла пара. Лицо женщины показалось мне знакомым, однако, как это ни странно, я сразу не смог вспомнить ее.

И вдруг меня осенило: так это же Карлотта Адамс! Ее спутника, ухоженного мужчину с жизнерадостным, немного глуповатым лицом, я не знал. Он был не из тех, кем я всегда восхищался.

Карлотта Адамс была одета скромно, во все черное. Ее подвижное, чувственное лицо не привлекало внимания окружающих и не способствовало мгновенному узнаванию, однако именно благодаря ему она с величайшим мастерством овладела искусством мимикрии. Оно могло без труда принимать черты другой личности, но его собственные черты не отличались характерностью.

Я поделился своими соображениями с Пуаро. Он внимательно слушал, слегка склонив набок похожую на яйцо голову и то и дело бросая пристальные взгляды на два столика, за которыми сидели обсуждаемые персоны.

- Так это леди Эджвер? Да, помню - я видел ее игру. Она *belle femme*[1 - Красивая женщина (фр.). - Здесь и далее прим. пер.].

- И замечательная актриса.

- Возможно.

- Вы, как я вижу, сомневаетесь.

- Я думаю, друг мой, это зависит от окружающей обстановки. Если она в центре спектакля, если все вращается вокруг нее - то да, она хорошо играет свою роль. Я сомневаюсь, что она смогла бы должным образом сыграть маленькую роль или такую, что называется характерной. Пьеса должна быть написана о ней и для нее. Мне кажется, она из тех женщин, которым интересны только они сами. - Пуаро помолчал и неожиданно добавил: - Таких людей на их жизненном пути подстерегает опасность.

- Опасность? - спросил я, удивленный.

- Вижу, я использовал слово, которое удивило вас, друг мой. Да, опасность. Потому что, понимаете ли, такая женщина видит только одну вещь - себя. Подобные ей не видят опасности и риски, что окружают их, - миллион противоречивых интересов и взаимоотношений. Нет, они видят только собственную дорогу вперед. И вот - рано или поздно - катастрофа.

Мне стало интересно. Я был вынужден признать, что такая точка зрения не приходила мне в голову.

- А другая? - спросил я.

- Мисс Адамс? - Взгляд Пуаро переместился к ее столику. - Ну? - сказал он, улыбаясь. - Что вы хотите, чтобы я рассказал о ней?

- Только то, какое впечатление она производит на вас.

- Mon cher[2 - Мой дорогой (фр.)], разве я сегодня предсказатель судьбы, который читает по ладони и видит человека насквозь?

- У вас это получается лучше, чем у большинства, - ответил я.

– Это все ваша великая вера в меня, Гастингс. Я тронут. Разве вы не знаете, друг мой, что каждый из нас – это мрачная тайна, лабиринт противоречивых страстей, и желаний, и жизненных позиций? Mais oui, c'est vrai[3 - Но да, это верно (фр.)]. Человек выносит свое суждение – но девять раз из десяти неправильно.

– Только не Эркюль Пуаро, – сказал я с улыбкой.

– Даже Эркюль Пуаро! О, я точно знаю, что вы всегда придерживаетесь идеи, что я самодоволен, однако в самом деле уверяю вас: я действительно очень скромный человек.

Я рассмеялся.

– Вы – и скромный!..

– Именно так. Если не считать – я это признаю, – что я чуть-чуть горжусь своими усами. Нигде в Лондоне я не видел таких, что могли бы сравниться с ними.

– Вы в полной безопасности, – заверил его я. – И не увидите. Так вы не будете рисковать и высказывать свое мнение о Карлотте Адамс?

– Elle est artiste![4 - Она артистка (фр.)] – просто сказал Пуаро. – Это говорит почти обо всем, не так ли?

– Как бы то ни было, вы не считаете, что ей на ее жизненном пути угрожают опасности?

– Нам всем они угрожают, друг мой, – мрачно проговорил мой друг. – Несчастья так и ждут, чтобы наброситься на нас... Но что до вашего вопроса, мисс Адамс, думаю, преуспеет. Она дальновидна, и не только. Вы наверняка заметили, что она еврейка?

Я не заметил. Но когда он заговорил об этом, я увидел слабые следы семитского происхождения. Пуаро кивнул.

– Это способствует успеху – так-то. Хотя все же присутствует один путь к опасности – ведь мы об опасности говорим...

– В каком смысле?

– Любовь к деньгам. Это может побудить ее свернуть с благоразумного и осмотрительного пути.

– Такое может случиться с любым из нас, – сказал я.

– Это верно, но вы или я увидели бы подстерегающую нас опасность. Мы могли бы взвесить все «за» и «против». Однако если тебя заботят только деньги, ты и видишь только деньги, а все остальное остается в тени.

Я посмеялся над его серьезностью.

– Эсмеральда, цыганская королева, в отличной форме, – поддразнил его я.

– Интересна психология характера, – сказал Пуаро, ничуть не задетый. – Нельзя интересоваться преступлениями и не интересоваться психологией. Специалиста увлекает не сам акт убийства, а то, что стоит за ним. Вы следите за моей мыслью, Гастингс?

Я сказал, что внимательно слежу за его мыслью.

– Я заметил, что, когда мы вместе работаем над делом, вы, Гастингс, всегда подталкиваете меня к физическим действиям. Вы настаиваете, чтобы я обмерял следы обуви, исследовал сигаретный пепел, ползал на брюхе, выискивая улики... Вы так и не поняли, что, развалившись в кресле и закрыв глаза, можно подойти к решению любой проблемы. В таком положении человек видит мысленным взглядом.

– Я не вижу, – сказал я. – Когда я с закрытыми глазами лежу в кресле, со мной происходит одно-единственное!

– Я это заметил. Это странно. В такие моменты мозг должен работать лихорадочно, а не погружаться в вялую негу. Мысленная активность – ведь это

так интересно! Это возбуждает! Заставлять работать маленькие серые клеточки – это же ментальное наслаждение. Они, и только они, способны провести нас через туман к истине...

Боюсь, у меня выработалась привычка отвлекаться каждый раз, когда Пуаро заговаривает о серых клеточках. Я слишком часто слышал его сентенции на эту тему.

Вот и сейчас мое внимание переключилось на тех четверых, что сидели за соседним столом. Когда монолог моего друга закончился, я со смешком заметил:

– Да вы произвели впечатление, Пуаро. Прекрасная леди Эджвер не сводит с вас глаз.

– Без сомнения, ей сообщили, кто я такой, – сказал Пуаро, стараясь выглядеть скромно и приниженно.

– Думаю, дело в знаменитых усах, – сказал я. – Она потрясена их красотой.

Пуаро исподтишка погладил их.

– Это правда, они уникальны, – признался он. – Эх, друг мой, та, как вы говорите, «щеточка», что вы носите, – это ужас... зверство... злонамеренное издевательство над даром природы. Прекратите это, друг мой, умоляю вас.

– Бог мой, – произнес я, не обратив внимания на призыв Пуаро. – Дама встает. Полагаю, она собирается сюда, чтобы поговорить с нами. Брайан Мартин возражает, но она отказывается его слушать.

И точно, Джейн Уилкинсон порывисто встала со стула и направилась к нашему столику. Пуаро поднялся и поклонился, я тоже встал.

– Месье Эркюль Пуаро, не так ли? – спросила она тихим голосом с хрипотцой.

– К вашим услугам.

– Месье Пуаро, я хочу поговорить с вами. Я должна поговорить с вами.

– Конечно, мадам. Соблаговолите присесть?

– Нет-нет, не здесь. Я хочу говорить с вами наедине. Мы с вами поднимемся наверх, в мой номер.

Успевший подойти к нам Брайан Мартин отреагировал на ее слова пренебрежительным смешком:

– Джейн, неужели нельзя подождать? Мы только сели ужинать. И месье Пуаро тоже.

Но заставить Джейн Уилкинсон свернуть с пути к цели было не так-то просто.

– И что, Брайан? Какое это имеет значение? Мы сделаем так, чтобы ужин принесли нам в номер. Договорись с ним, ладно? Кстати, Брайан...

Тот пошел прочь, и Джейн, поспешив за ним, стала его в чем-то убеждать. Однако он не сдавался, как я понимаю; лишь качал головой и хмурился. Тогда Джейн заговорила с еще большей горячностью, и в конечном итоге Мартин пожал плечами, капитулируя.

Споря с ним, Джейн раз или два бросала взгляд на столик, за которым сидела Карлотта Адамс, и мне стало интересно, не связано ли то, о чем она собирается говорить, с этой американкой.

Добившись своего, Джейн вернулась, вся сияя.

– Мы немедленно понимаемся наверх, – сказала она, одарив своей восхитительной улыбкой и меня.

Кажется, ей не приходила в голову мысль, что мы можем не согласиться с ее планом. Она сдернула нас с места, не испытывая даже намека на угрызения совести.

– Это огромное везение, что сегодня вечером я встретила здесь вас, месье Пуаро, – сказала она, направляясь к лифтам. – Просто замечательно, как все

удачно складывается для меня. Я думала и гадала, что мне дальше делать, и тут вдруг поднимаю глаза и вижу вас за соседним столиком. И тогда я сказала себе: «Месье Пуаро посоветует мне, что делать».

Прервав саму себя, она бросила мальчику-лифтеру: «Второй этаж».

– Если я могу вам чем-то помочь... – начал Пуаро.

– Уверена, что можете. Я слышала, что на свете нет человека прекраснее вас. Кто-то же должен вытащить меня из этой передраги, и я чувствую, что вы именно тот, у кого это получится.

Мы вышли на втором этаже, и Джейн повела нас по коридору. Затем, открыв нужную дверь, прошла в один из роскошнейших номеров «Савойи». Бросив белую меховую накидку на стул, а маленькую, украшенную драгоценными камнями сумочку – на стол, плавно опустилась в кресло и воскликнула:

– Месье Пуаро, тем или иным способом, но я вынуждена избавиться от своего мужа!

Глава 2

Ужин

Пуаро довольно быстро пришел в себя от изумления. Его глаза заблестели.

– Но, мадам, – сказал он, – я не специализируюсь на том, чтобы избавляться от мужей.

– Естественно, я знаю об этом.

– Вам требуется адвокат.

– Вот тут вы ошибаетесь. Я уже сыта по горло адвокатами. У меня были и честные и нечестные адвокаты, и ни от одного не было проку. Адвокаты просто знают закон, а вот естественного здравого смысла у них нет.

– И вы думаете, что у меня он есть?

Она рассмеялась:

– Я слышала, что в вас есть изюминка, мистер Пуаро.

– Comment?[5 - Как-как? (фр.)] Изюминка? Я не понимаю.

– Ну... что вы тот самый.

– Мадам, я могу иметь или не иметь мозги – между прочим, они у меня есть, зачем притворяться? Но ваше маленькое дельце – это не мой genre[6 - Жанр, стиль (фр.)].

– Не понимаю, почему бы не взяться. Ведь это проблема.

– О! Проблема!

– Причем сложная, – продолжала Джейн Уилкинсон. – Признаюсь, я считала вас человеком, который не робеет перед трудностями.

– Я отдаю должное вашей проницательности, мадам. И все же повторюсь: я не делаю расследования для разводов. Это совсем не... ce metier l?[7 - Не мое ремесло (фр.)].

– Послушайте, дорогуша, я не прошу вас шпионить. Это все равно ничего не дало бы. Мне просто нужно избавиться от мужа, и, я уверена, вы можете рассказать мне, как это сделать.

Пуаро помолчал, а когда заговорил, в его голосе появились новые интонации:

– Первым делом объясните мне, мадам, почему вам так не терпится, так сказать, избавиться от лорда Эджвера?

Джейн ответила быстро и без колебаний. Ее слова прозвучали твердо и решительно:

– Да без проблем. Я хочу снова выйти замуж. А какая еще может быть причина? – Она с невинным видом распахнула свои голубые глаза.

– А разве получить развод не проще?

– Вы не знаете моего мужа, месье Пуаро. Он... он... – Актриса поежилась. – Даже не представляю, как это объяснить. Он чудной... он не такой, как другие. – Помолчав, она продолжила: – Ему не следовало жениться – ни на ком. Я знаю, о чем говорю. Просто я не могу описать его, он... чудной. Первая жена сбежала от него. И оставила трехмесячного ребенка. Он так и не развелся с ней, и она умерла в нищете где-то за границей. Потом он женился на мне. В общем... я не смогла этого вынести. Я была напугана. Я уехала от него в Штаты. У меня нет оснований для развода, а если я дам их ему, то он просто не придаст им значения. Он... он своего рода фанатик.

– Вы, мадам, могли бы получить развод в некоторых американских штатах.

– Мне от этого никакой пользы, раз я собираюсь жить в Англии.

– Вы хотите жить в Англии?

– Да.

– А кто тот человек, за которого вы хотите выйти замуж?

– В том-то и дело. Герцог Мертон.

Я довольно громко охнул. Герцог Мертон давно стал бедствием для одержимых матримониальными планами мамаш. Молодой человек со склонностью к монашескому образу жизни, ярый англокатолик, он, как утверждали, находился под тяжелым каблуком у своей матери, грозной вдовствующей герцогини,

державшей его в крайней строгости. Герцог собирал китайский фарфор и обладал, как считалось, эстетическим вкусом. Предполагали, что он совсем не интересуется женщинами.

– Я просто без ума от него, – с жаром произнесла Джейн. – Он ни на кого не похож, я таких не встречала, а его резиденция, Мертон-Касл, слишком прекрасна. Все, что связано с ним, для меня окружено ореолом романтики. К тому же он еще и красив... как король монахов из грез. – Она замолчала. – Я собираюсь бросить сцену после того, как выйду замуж. Мне она больше не интересна.

– И на пути к этим романтическим грезам, – сухо произнес Пуаро, – стоит лорд Эджвер.

– Да... и это крайне удручает меня. – Она в задумчивости откинулась на спинку. – Конечно, если б мы были в каком-нибудь Чикаго, я запросто устроила бы так, чтобы его кокнули, но здесь найти человека с оружием не так-то просто.

– Здесь, – с улыбкой сказал Пуаро, – мы считаем, что любой человек имеет право на жизнь.

– Ну, не знаю... Думаю, вы вполне обошлись бы без некоторых из ваших политиков, а если б знали об Эджвере то, что знаю я, он не стал бы для вас большой потерей – скорее наоборот.

В дверь постучали, и в номер вошел официант. Джейн Уилкинсон продолжила обсуждение своей проблемы, игнорируя его присутствие.

– Но я, месье Пуаро, не хочу, чтобы вы убили его для меня.

– Мерсі, мадам.

– Я подумала, что вы могли бы как-то по-умному поговорить с ним. Подвести его к идее развода. Уверена, что смогли бы.

– Полагаю, вы переоцениваете мою силу убеждения, мадам.

– Ой! Но вы же наверняка можете что-нибудь придумать! – Джейн подалась вперед, ее голубые глаза снова распахнулись. – Вы же хотите, чтобы я была счастлива, правда? – Ее голос прозвучал мягко, тихо и восхитительно чарующе.

– Я хотел бы, чтобы все были счастливы, – осторожно проговорил Пуаро.

– Да, но я имела в виду не всех. Я имела в виду себя.

– Осмелюсь заметить, мадам, вы всегда имеете в виду только себя. – Он улыбнулся.

– Вы считаете меня себялюбивой?

– О! Я так не говорил, мадам.

– Ну, а я такая, полагаю. Только, видите ли, я ненавижу быть несчастной. Это даже сказывается на моей игре. И я буду страдать, пока он не согласится на развод... или не умрет. В общем, – задумчиво добавила она, – было бы лучше, если б он умер. В том смысле, что тогда я точно избавилась бы от него. – Посмотрела на Пуаро в поисках сочувствия. – Ведь вы поможете мне, правда, месье Пуаро? – Встала, подхватила белую накидку и устремила на моего друга полный мольбы взгляд. Я услышал голоса в коридоре. Дверь была приоткрыта. – Если вы не... – начала она.

– Если я не, мадам?

Джейн рассмеялась:

– Мне придется вызвать такси, приехать к нему и кокнуть его самой.

Смеясь, она скрылась в соседней комнате именно в тот момент, когда в дверях появился Брайан Мартин с американкой, Карлоттой Адамс, ее спутником и той парой, что ужинала вместе с ним и Джейн Уилкинсон. Пару мне представили как мистера и миссис Уидберн.

– Приветствую всех! – сказал Брайан. – А где Джейн? Я хочу сообщить ей, что с успехом выполнил ее поручение.

Из спальни тут же появилась Джейн с губной помадой в руках.

– Ты привел ее? Восхитительно. Мисс Адамс, я в восторге от вашего выступления. Я поняла, что должна обязательно познакомиться с вами. Идите ко мне, поговорите со мной, пока я буду поправлять лицо. Я просто ужасно выгляжу.

Карлотта Адамс приняла приглашение. Брайан Мартин плюхнулся в кресло.

– Ну, что, месье Пуаро, – сказал он, – ловко вас взяли в плен? Джейн убедила вас сражаться за ее интересы? Рано или поздно вы все равно сдались бы. Она не знает слова «нет».

– Возможно, она с ним не сталкивалась.

– Очень интересный характер у нашей Джейн, – сказал Брайан Мартин, откинул голову на спинку и лениво выпустил клуб сигаретного дыма в потолок. – Табу для нее – пустой звук. Никаких нравственных устоев. Я не хочу сказать, что она безнравственна – вовсе нет. Правильнее сказать, аморальна, я думаю. В жизни видит только одно – то, что хочет сама Джейн. – Он рассмеялся. – Подозреваю, она бы охотно кого-нибудь убила – и чувствовала бы себя оскорбленной, если б ее схватили и захотели вздернуть на виселице. Проблема в том, что ее схватили бы. У нее нет мозгов. Ее представление об убийстве – это подъехать на такси, назваться собственным именем и выстрелить.

– Интересно, что заставляет вас так говорить? – пробормотал Пуаро.

– Э?..

– Ведь вы, месье, хорошо ее знаете?

– Я бы сказал, что да. – Мартин снова рассмеялся, и я обратил внимание на то, что его смех полон горечи. – Вы же согласны со мной, не так ли? – обратился он к остальным.

– О, Джейн эгоистка, – сказала миссис Уидберн. – Но актриса должна быть таковой. Ну, если она хочет выразить себя как личность.

Пуаро не участвовал в беседе. Его задумчивый взгляд не отрывался от Брайана Мартина, а на лице появилось очень любопытное выражение, которое я так и не смог понять.

В этот момент из соседней комнаты выплыла Джейн. За ней следовала Карлотта Адамс. Как я понимаю, Джейн уже «поправила лицо» – что бы это ни значило – и была вполне довольна результатом. На мой же взгляд, оно выглядело таким же, как и раньше, и совсем не нуждалось в улучшениях.

Ужин прошел в веселой атмосфере, однако у меня время от времени появлялось ощущение, что вокруг множество скрытых течений, которые мне так и не удалось ухватить.

Джейн Уилкинсон, по моим наблюдениям, была лишена хитрости и коварства. Эта молодая женщина могла одновременно видеть лишь что-то одно. Она пожелала переговорить с Пуаро, настояла на своем и без промедления добилась желаемого. И теперь пребывала в великолепном настроении. Ее желание заполучить к себе на ужин Карлотту Адамс было, как я понял, простой прихотью. Она пришла в дикий восторг – такой же, в какой пришел бы любой ребенок, – от того, что кто-то ловко притворился ею.

Нет, те течения, что я уловил, не имели никакого отношения к Джейн Уилкинсон. Тогда куда же они стремятся?

Я по очереди изучал гостей. Брайан Мартин? Он держится очень неестественно. Но это, сказал я себе, может быть характерной чертой любой кинозвезды. Преувеличенное самомнение тщеславного человека, который привык играть роль и легко выходить из нее.

А вот Карлотта Адамс была вполне естественна. Она держалась спокойно, говорила приятным низким голосом. Теперь, когда у меня появилась возможность, я внимательно изучал ее вблизи. Она обладает, решил я, определенным шармом, но это шарм негативного порядка. Он состоит из отсутствия каких-либо резких или пронзительных нот. Она – своего рода персонифицированное мягкое соглашение. Ее внешность напоминает негатив. Темные волосы, бесцветные бледно-голубые глаза, бледное лицо и подвижный чувственный рот. Лицо, которое нравится, но которое не узнаешь, если при следующей встрече Карлотта будет одета, скажем, по-другому.

Создавалось впечатление, что ей приятны комплименты и доброжелательность Джейн. Да и любой было бы приятно на ее месте, подумал я. А потом, именно в этот момент, мне в голову пришла мысль, которая вынудила меня отказаться от этого поспешного вывода.

Карлотта Адамс через стол посмотрела на хозяйку, которая, повернув голову, беседовала с Пуаро. Взгляд девушки был очень внимательным – она словно подводила итог. И вдруг я заметил в ее бледно-голубых глазах явную враждебность.

Возможно, мне это почудилось. А может быть, это была профессиональная ревность. Джейн, как актриса, уже добилась большого успеха; Карлотта же только начала взбираться по лестнице.

Я оглядел остальных троих гостей. Мистер и миссис Уидберн, кто они такие? Он – высокий, с бледным, будто у мертвеца, лицом; она – пухленькая, светленькая, склонная к сентиментальности. Судя по всему, они богаты и помешаны на всем, что имеет отношение к театру. Здесь, за столом, они категорически отказываются говорить на иную тему. Обнаружив, что недавнее пребывание за границей мешало мне следить за последними новостями, миссис Уидберн в конечном итоге повела пухлым плечиком, отвернулась от меня и больше не вспоминала о моем существовании.

Третьим был спутник Карлотты, темноволосый молодой человек с круглым добродушным лицом. С самого начала мне показалось, что он не совсем трезв. После того как он выпил шампанского, это стало совершенно очевидно.

Складывалось впечатление, что молодой человек страдает от глубокой обиды. Первую половину ужина он провел в мрачном молчании. Во второй принялся изливать мне душу, очевидно, приняв меня за кого-то из своих давних друзей.

– Что я хочу сказать, – заговорил он. – Не так. Нет, старина, не так... – Я не передаю его заплетающийся язык. – Я хочу сказать, – продолжал он. – Вот скажи, если девушка... ну, в смысле... лезет не в свое дело. Сует во все свой нос и все портит. Я же ей ни слова не сказал. Я же понимаю, что нельзя. Она не из таких. Ну, видишь ли... отец пуританин... «Мэйфлауэр»... [8 - «Мэйфлауэр» – название английского судна, на котором пересекли Атлантический океан 102 пилигрима из Старого Света – первые поселенцы Новой Англии.] и все такое.

Черт подери – уж больно она прямолинейна. Что я хочу сказать... о чем это я?

– О своей горькой доле, – спокойно сказал я.

– Ну, к черту все это, вот о чем. Проклятье, мне пришлось взять в долг у своего портного ради этой вечеринки. Кстати, очень услужливый парень, мой портной. Я уже много лет должен ему кучу денег. У нас с ним установилась своего рода связь. Ведь крепче уз нет, правда, дружище? Ты и я. Ты и я. Кстати, а ты кто такой, черт побери?

– Меня зовут Гастингс.

– Во дела... Я готов был поклясться, что ты Спенсер Джонс. Эх, милый старина Спенсер Джонс... Встречался с ним в Итоне и Хэрроу, заразился от него лихорадкой. Я что хочу сказать: одно лицо очень похоже на другое – вот я о чем. Если б мы были китаезами, то не различали бы друг друга. – Он грустно покачал головой, затем встрепенулся и отпил шампанского. – Как бы то ни было, я не чертов ниггер.

Это умозаключение, кажется, привело его в такой восторг, что в его следующих замечаниях зазвучала надежда.

– Взгляни на вещи оптимистически, старина, – воззвал он ко мне. – Я что хочу сказать, взгляни на вещи оптимистически. Скоро – когда мне будет семьдесят пять или около этого – я стану богатым. Когда помрет мой дядюшка. Вот тогда я и расплачусь со своим портным.

Эта перспектива вызвала на его лице счастливую улыбку.

Как ни странно, молодой человек не вызывал антипатии. Абсурдно крохотные усики на его круглом лице вызвали ассоциацию с горсткой людей, заблудившихся в пустыне.

Я заметил, что Карлотта Адамс то и дело смотрит на него. После одного такого взгляда она встала и начала прощаться.

– Очень любезно с вашей стороны было прийти сюда, – сказала Джейн. – Я люблю делать дела под влиянием момента, а вы?

– А я – нет, – сказала мисс Адамс. – Боюсь, я всегда очень тщательно планирую, прежде чем делать что-то. Это избавляет... от беспокойства.

В ее голосе слышалось легкое раздражение.

– Ну, во всяком случае, ваш результат оправдывает себя, – рассмеялась Джейн. – Даже не знаю, когда я получала от чего-то такое же удовольствие, как от вашего представления.

Лицо американки прояснилось.

– Вы очень любезны, – тепло произнесла она. – И я высоко ценю то, что вы сказали мне об этом. Я нуждаюсь в одобрении. Мы все нуждаемся.

– Карлотта, – заговорил молодой человек с черными усиками. – Пожми руку тете Джейн, поблагодари ее за вечер, и пошли.

Он явил чудо концентрации, пройдя в дверь и ничего не задев. Карлотта быстро последовала за ним.

– И кого тут к нам занесло? – сказала Джейн. – Что это за тип, что назвал меня тетей Джейн? Что-то я раньше его не замечала.

– Моя дорогая, – воскликнула миссис Уидберн, – вам вообще не пристало замечать таких. Когда-то он был самым выдающимся актером в ДООУ[9 - ДООУ – Драматическое общество Оксфордского университета.]. Сейчас и не скажешь, правда? Мне больно видеть, как подающий надежды талант заканчивает ничем. Нам с Чарльзом пора.

Уидберны откланялись, Брайан Мартин ушел вместе с ними.

– Итак, месье Пуаро?

Он улыбнулся Джейн.

- Eh bien[10 - Итак (фр.)], леди Эджвер?

- Ради всего святого, не называйте меня так. Позвольте мне забыть об этом! А то я решу, что вы самый жестокосердный человек в Европе.

- О нет, о нет, я не жестокосердный.

Кажется, подумал я, Пуаро перебрал шампанского; вероятно, последний бокал был лишним.

- Так вы встретитесь с моим мужем? Заставите его сделать то, чего я хочу?

- Я встречусь с ним, - осторожно пообещал Пуаро.

- А если он откажет вам - а он откажет, - вы придумаете умный план. Говорят, вы, месье Пуаро, умнейший человек в Англии.

- Мадам, когда вы называете меня жестокосердным, вы говорите о Европе. Но для моего ума вы выделили лишь Англию.

- Ну, если вы так ставите вопрос, то я сказала бы, что во вселенной.

Пуаро поднял руку, останавливая ее.

- Мадам, я ничего не обещаю. Попытаюсь организовать встречу с вашим мужем, но только ради интереса к психологии.

- Психоанализируйте его сколько угодно. Может, это пошло бы ему на пользу... Но вам придется добиться результата - ради меня. Моя любовная история, месье Пуаро, должна иметь романтическое завершение. - Помолчав, она мечтательно добавила: - Только представьте, какой это станет сенсацией.

Человек с золотым зубом

Несколько дней спустя, когда мы сидели за завтраком, Пуаро бросил мне через стол письмо, которое он только что вскрыл и прочитал.

– Ну, топ ами, что вы об этом думаете?

Письмо было от лорда Эджвера. Сухим, формальным языком тот назначал встречу на одиннадцать часов утра следующего дня.

Должен признаться, что я был крайне удивлен. Я предполагал, что Пуаро дал свое обещание под влиянием момента, и не догадывался, что он и вправду предпримет определенные меры для его выполнения.

Пуаро, отличавшийся проницательностью, прочитал мои мысли, и его глаза лукаво заблестели.

– Именно так, топ ами, дело было не только в шампанском.

– Я ничего и не говорю.

– Э, нет... нет... вы подумали: бедный старикан, поддался атмосфере веселья и наобещал всякого, хотя заниматься этим у него намерения нет. Вы ошибаетесь, друг мой, обещания Эркюля Пуаро священны. – При последних словах он величественно вскинул голову и расправил плечи.

– Конечно. Конечно. Я знаю, – поспешно проговорил я. – Но я подумал, что, возможно, вы приняли решение под... я бы сказал, под влиянием момента.

– У меня нет привычки принимать решения под «влиянием», как вы, Гастингс, выразились. Лучшее сухое шампанское, самые обольстительные женщины с самыми прекрасными золотистыми волосами – ничто не способно повлиять на решение Эркюля Пуаро. Нет, топ ами, мне интересно, вот и всё.

– Вас заинтересовала любовная связь Джейн Уилкинсон?

– Не совсем. Ее любовная связь, как вы это называете, – обычное дело. Следующий шаг в успешной карьере очень красивой женщины. Если б у герцога Мертонна не было ни титула, ни богатства, его романтического сходства с мечтательным монахом не хватило бы, чтобы поддерживать интерес нашей дамы. Нет, Гастингс, во всем этом меня интересует психология. Взаимодействие характеров. Я хватаюсь за шанс изучить лорда Эджвера при ближайшем рассмотрении.

– Вы не рассчитываете на успешное завершение своей миссии?

– Pourquoi pas?[11 - Почему бы нет? (фр.)] У каждого человека есть слабое место. Не воображайте, Гастингс, что если я намерен изучить дело с точки зрения психологии, то не приложу все усилия, чтобы успешно выполнить возложенное на меня поручение. Я всегда радуюсь возможности потренировать свою смекалку.

Я испугался упоминания о серых клеточках и обрадовался, когда Пуаро не затронул эту тему.

– Итак, завтра в одиннадцать мы на Риджент-Гейт? – спросил я.

– Мы? – Мой друг вопросительно изогнул бровь.

– Пуаро! – воскликнул я. – Неужели вы не возьмете меня с собой? Я же всегда сопровождаю вас.

– Если б это было преступление, какое-нибудь таинственное отравление, убийство – о, тогда бы да, ваше сердце радуется от такого. Но здесь простой вопрос социального урегулирования!

– Без разговоров, – твердо заявил я. – Я с вами.

Пуаро тихо засмеялся, и в этот момент нам доложили, что прибыл один джентльмен. К нашему величайшему изумлению, посетителем оказался Брайан Мартин.

При дневном свете актер выглядел старше. Он оставался красивым, но его красота была своего рода подпорченной. У меня промелькнула мысль, что Мартин, вероятно, принимает наркотики. В нем чувствовалось какое-то нервное напряжение, которое и навело меня на эту мысль.

– Доброе утро, месье Пуаро, – бодро поздоровался он. – Рад видеть, что вы с капитаном Гастингсом завтракаете в разумное время. Полагаю, вы сейчас заняты каким-то делом?

Пуаро дружелюбно улыбнулся ему.

– Нет, – ответил он. – В настоящее время у меня нет никакого мало-мальски важного дела.

– Не поверю. – Брайан рассмеялся. – Никаких вызовов в Скотланд-Ярд? Никаких просьб от королевских особ решить щекотливые вопросы? С трудом верится.

– Вы путаете выдумку с реальностью, друг мой, – весело сказал Пуаро. – Уверяю вас, в настоящий момент у меня нет никакой работы, хотя я еще и не безработный. Dieu merci[12 - Слава богу (фр.)].

– Ну, тогда мне повезло. – Брайан снова рассмеялся. – Надеюсь, вы возьметесь за одно дело для меня.

Пуаро задумчиво оглядел молодого человека.

– У вас для меня есть проблема... так? – сказал он через минуту или две.

– Ну... вроде того. И есть, и нет.

На этот раз его смех прозвучал нервно. Продолжая задумчиво разглядывать его, Пуаро жестом предложил ему сесть. Молодой человек опустился на стул лицом к нам – я сидел сбоку от Пуаро.

– А теперь, – сказал мой друг, – мы готовы выслушать вас.

Кажется, у Брайана Мартина возникли определенные трудности с тем, как начать.

– Проблема в том, что я не могу рассказать все, что хотелось бы. – Он заколебался. – Видите ли, история началась еще в Америке...

– В Америке? И?..

– Сначала мое внимание привлек один инцидент. Я путешествовал поездом и случайно заметил одного типа. Маленького, уродливого, чисто выбритого, в очках и с золотым зубом.

– О, с золотым зубом!

– Именно. В этом-то и суть.

– Я начинаю понимать. Продолжайте.

– В общем, как я сказал, я заметил этого типа. Я, кстати, ехал в Нью-Йорк. Шесть месяцев спустя я оказался в Лос-Анджелесе – и снова увидел того типа. Не знаю почему, но... я заметил его. Пока ничего особенного.

– Продолжайте.

– Еще месяц спустя мне понадобилось поехать в Сиэтл – и представьте, кого я увидел вскоре после того, как прибыл в город? Опять того типа. Только на этот раз он был с бородой.

– Чрезвычайно любопытно.

– Не правда ли? Естественно, в то время я не допускал мысли, что это как-то связано со мной, но когда я снова увидел его в Лос-Анджелесе, уже без бороды, потом в Чикаго, с усами, и в горной деревушке, где он выдавал себя за бродягу, – вот тут я стал задаваться вопросами.

– Понятно.

- Все это показалось мне странным... у меня не вызывало сомнения, что этот тип следует за мной... как бы это сказать... словно тень.

- Очень примечательно.

- Действительно. После того раза я стал проверять. Где бы я ни оказывался, рядом всегда появлялась моя тень в различных обликах. К счастью, его выдавал золотой зуб.

- А, золотой зуб!.. Очень счастливая случайность.

- Именно так.

- Прошу простить меня, месье Мартин, но вы хоть раз заговаривали с ним? Спрашивали о причине столь настойчивого преследования?

- Нет, не спрашивал. - Актер заколебался. - Я подумывал об этом, но каждый раз отказывался от этой идеи. Мне казалось, что нужно просто быть начеку и делать вид, будто ничего не происходит. Я предполагал, что, как только они узнают, что я заметил его, они пустят по моему следу кого-то другого - того, кого я не смогу распознать.

- En effet...[13 - Действительно (фр.).] кого-то без такого заметного золотого зуба.

- Вот именно. Возможно, я ошибался... но тогда я рассудил именно так.

- Месье Мартин, вы только что упомянули «они». Кого вы имели в виду под «они»?

- Это просто фигура речи, для убедительности. Я допускал - не знаю почему, - что за всем этим стоят какие-то смутные «они».

- У вас были основания для такого вывода?

- Никаких.

- Вы хотите сказать, что у вас не было никакого представления о том, кто вас преследует и с какой целью?

- Ни малейшего. Во всяком случае...

- Continuez[14 - Продолжайте (фр.)], - ободряюще произнес Пуаро.

- И все же одна идея у меня есть, - медленно проговорил Брайан Мартин. - Это всего лишь догадка.

- Иногда догадки бывают удачными, месье.

- Это касается одного инцидента, случившегося в Лондоне около двух лет назад. Инцидент был незначительным, но при этом необъяснимым и памятным. Я часто размышлял над ним. Просто потому, что в то время я не смог найти ему объяснения, сейчас я склонен считать, что то преследование каким-то образом связано с ним - но вот как, я понять не могу.

- Возможно, я смогу.

- Да, но видите ли... - Брайан Мартин пришел в замешательство. - Дело в том, что я не могу рассказать вам всего... сейчас во всяком случае. Только через день или два. - Вопросительный взгляд Пуаро побудил его продолжить, поэтому он в отчаянии произнес: - Видите ли... здесь замешана одна девушка.

- А! Parfaitement![15 - Прекрасно! (фр.)] Англичанка?

- Да. А при чем тут?..

- Все просто. Сейчас вы рассказать не можете, но надеетесь сделать это через день или два. Это означает, что вы хотите получить согласие молодой дамы. Следовательно, она находится в Англии. Еще она наверняка была в Англии в тот период, когда за вами следили, - ведь если б она жила в Америке, вы разыскали бы ее там еще тогда. Следовательно, если последние восемнадцать месяцев она проживает в Англии, она скорее всего, но необязательно, англичанка. Это верная логическая цепочка, да?

– Абсолютно. А теперь скажите мне, месье Пуаро, если она даст свое разрешение, вы займетесь моим делом?

Повисла пауза. Кажется, мой друг мысленно дискутировал с самим собой. Наконец он спросил:

– А зачем вы обратились ко мне, предварительно не переговорив с ней?

– Ну, я подумал... – Брайан помолчал. – Я хотел убедить ее... прояснить все... в смысле позволить вам прояснить все. Я имею в виду, что, если вы будете расследовать дело, ничто не станет достоянием гласности, верно?

– Это зависит от многого, – спокойно сказал Пуаро.

– То есть?

– Если есть какая-то связь с преступлением...

– О, тут нет никакого преступления.

– Вы этого не знаете. Связь может быть.

– Но вы же сделаете все возможное ради нее... ради нас?

– О да, естественно. – Помолчав, он спросил: – Скажите, а этот преследователь... эта тень... какого он был возраста?

– О, довольно молодой. Около тридцати.

– А! – воскликнул Пуаро. – Это и вправду примечательно. Да, это делает историю гораздо более интересной.

Я уставился на него. И Брайан Мартин тоже. Уверен, для нас обоих его замечание прозвучало непонятно. Брайан вопросительно посмотрел на меня и изогнул бровь. Я покачал головой.

- Да, - пробормотал Пуаро. - История становится очень интересной.
- Возможно, он был старше, - с сомнением проговорил Брайан, - но я не уверен.
- Нет-нет, я убежден, что ваше наблюдение, месье Мартин, абсолютно точно. Крайне интересно... чрезвычайно интересно.

Ошарашенный загадочными словами Пуаро, Брайан Мартин не знал, что говорить или делать дальше. Поэтому он резко сменил тему:

- Забавная и удивительная была вчера вечеринка. На свете нет более своевольной женщины, чем Джейн Уилкинсон.
- Она монофокальна, - с улыбкой сказал Пуаро. - Единовременно видит только одно.

- И выходит сухой из воды, - сказал Мартин. - Как только люди терпят это, не знаю!

- Люди многое готовы стерпеть от красивой женщины, друг мой, - лукаво глядя на него, сказал Пуаро. - Если б у нее был пороссячий нос, желтоватая кожа, сальные волосы, тогда - увы! - у нее не получалось бы «выходить сухой из воды», как вы выразились.

- Наверное, нет, - согласился Брайан. - Но иногда это приводит меня в бешенство. И в то же время я искренне предан Джейн, хотя, поверьте, изредка мне кажется, что она немного не в себе.

- Как раз напротив. Должен сказать, что действует она вполне здраво.

- Я имел в виду не это. Джейн вполне способна позаботиться о своих интересах; она наделена великолепной деловой проницательностью. Нет, я имею в виду, в моральном плане.

- А, в моральном...

- Она лишена нравственных устоев. Для нее не существует «плохо» и «хорошо».

- Припоминаю, что вы на днях говорили нечто в этом роде.

- Вот мы с вами сейчас говорили о преступлении...

- Да, друг мой. И что?

- Ну, меня не удивило бы, если б Джейн совершила преступление.

- Вы наверняка хорошо ее знаете, - задумчиво проговорил Пуаро. - Вы вместе с ней играли, не так ли?

- Да. Думаю, я вижу ее насквозь, досконально знаю ее. И могу легко представить, как она убивает.

- О, у нее горячий нрав, да?

- Нет, вовсе нет. Она холодна, как огурец. В том смысле, что, если кто-нибудь оказывается у нее на пути, она просто убирает его - не задумываясь. И ее нельзя осуждать за это - с точки зрения нравственности, я имею в виду. Она считает, что всякий, кто мешает Джейн Уилкинсон, должен быть устранен.

В его последних словах прозвучала горечь - впервые за всю беседу. Мне стало интересно, каким воспоминанием порождена эта горечь.

- Вы думаете, она пошла бы... на убийство? - Пуаро устремил на него внимательный взгляд.

Брайан глубоко вздохнул:

- В глубине души - да. Возможно, рано или поздно вы вспомните мои слова... когда узнаете ее, что ли. Она способна убить с той же легкостью, как выпить утренний чай. Я серьезно, месье Пуаро.

Брайан поднялся.

- Да, - тихо произнес мой друг, - я понимаю, что вы серьезны.

- Я знаю ее, - сказал Брайан Мартин, - знаю досконально.

Нахмурившись, он помолчал немного, а потом совсем другим тоном сказал:

- Что до того дела, о котором мы говорили... Через несколько дней я дам вам знать, месье Пуаро. Ведь вы возьметесь за него, не так ли?

Пуаро несколько мгновений смотрел на него.

- Да, - наконец ответил он. - Я возьмусь за него. Я нахожу его... интересным.

Было нечто странное в том, как он произнес последнее слово.

Я пошел провожать Брайана Мартина. Уже стоя у двери, тот спросил у меня:

- Вы уяснили, что он имел в виду, когда говорил о возрасте того типа? Почему история стала интересной оттого, что ему около тридцати? Я совсем ничего не понял.

- Я понял не больше вашего, - признался я.

- Для меня все это какая-то бессмыслица. Может, он просто шутит со мной?

- Нет, - ответил я. - Пуаро не таков. Уверяю вас, этот аспект важен, раз он так говорит.

- Только я этого не вижу, черт побери. Рад, что я не один - вы ведь тоже не видите. Ужасно противно чувствовать себя полнейшим идиотом.

Он ушел, а я вернулся к своему другу.

- Пуаро, - спросил я, - какое значение имеет возраст преследователя?

- Разве вы не видите? Бедняга Гастингс! - Он улыбнулся и сокрушенно покачал головой. - А что вы вообще думаете о нашей беседе?

– Тут так мало о чем можно судить... Трудно сказать. Если б мы знали больше...

– Даже без знания большего, разве вам, топ аті, некоторые идеи не приходят в голову сами собой?

Звонок телефона спас меня от позорного признания в том, что мне в голову не приходят никакие идеи. Я взял трубку.

Зазвучал женский голос, сухой, по-деловому четкий:

– Говорит секретарь лорда Эджвера. Лорд Эджвер сожалеет о том, что вынужден отменить назначенную на завтрашнее утро встречу с месье Пуаро. Завтра у него состоится непредвиденная поездка в Париж. Он мог бы встретиться с месье Пуаро на несколько минут сегодня в двенадцать пятнадцать, если месье Пуаро будет удобно.

Я посоветовался с Пуаро.

– Конечно, друг мой, мы сегодня туда поедем.

Я повторил его слова в трубку.

– Очень хорошо, – ответили мне деловым тоном. – Сегодня в двенадцать пятнадцать.

И она отсоединилась.

Глава 4

Беседа

Предвкушая интересную беседу, я вместе с Пуаро прибыл в дом лорда Эджвера на Риджент-Гейт. Хотя у меня не было присущей Пуаро склонности к «психологии», все же те слова, которыми леди Эджвер описывала мужа,

пробудили мое любопытство. Мне не терпелось вынести собственное суждение.

Особняк – добротный, красивый и немного мрачноватый – выглядел импозантно. На окнах не было цветочных ящиков и прочих фривольностей подобного рода.

Нам сразу же открыли дверь, причем открыл ее не пожилой седовласый дворецкий, как можно было бы ожидать, а молодой человек, красивее которого я в жизни не видел. Высокий, светловолосый, он мог бы позировать скульптору для создания Гермеса или Аполлона. Однако, несмотря на красивую и мужественную внешность, в его голосе присутствовала некая женственная мягкость, которая мне совсем не понравилась. А еще, как это ни странно, он кого-то мне напоминал – кого-то, с кем я не так давно встречался. Правда, я так и не вспомнил, кого именно.

Мы попросили проводить нас к лорду Эджверу.

– Сюда, сэр.

Молодой человек повел нас мимо лестницы в конец холла. Там, открыв дверь, он тем же мягким голосом, который на подсознательном уровне вызывал у меня недоверие, объявил о нашем приходе.

Мы оказались в библиотеке. Вдоль стен стояли шкафы, мебель была строгой, темного дерева, но очень красивой. Кресла не отличались изяществом и удобством.

Лорд Эджвер – высокий мужчина лет пятидесяти – поднялся нам навстречу. Его темные волосы были тронуты сединой, на узком лице выделялся изогнутый в презрительной усмешке рот. Выглядел наш хозяин раздраженным и недовольным. Я обратил внимание на странное выражение его глаз. И точно, подумал я, в его глазах есть что-то необычное.

Он держался напряженно и официально.

– Месье Эркюль Пуаро? Капитан Гастингс? Прошу, садитесь.

Мы сели. В комнате было прохладно. Единственное окно пропускало мало света, и царивший полумрак лишь усиливал ощущение зябкости.

Лорд Эджвер держал в руке письмо, которое, как я увидел, было написано рукой моего друга.

– Естественно, месье Пуаро, мне знакомо ваше имя. А кому нет? – Тот с поклоном принял комплимент. – Но я не совсем понимаю вашу позицию. Вы утверждаете, что хотите видеть меня по поручению... – он сделал паузу, – моей жены.

Последние слова хозяин дома произнес так, будто ему пришлось прилагать усилия, чтобы вытолкнуть их изо рта.

– Именно так, – сказал мой друг.

– Как я понимаю, вы, месье Пуаро, расследуете... преступления?

– Разбираюсь с проблемами, лорд Эджвер. Конечно, есть криминальные проблемы. Есть и другие.

– В самом деле? И какая проблема на этот раз? – В его словах явственно слышался сарказм. Пуаро не обратил на него внимания.

– Я имею честь беседовать с вами от имени леди Эджвер, – ответил он. – Она, как вам известно, желает... развода.

– Мне об этом прекрасно известно, – холодно произнес лорд Эджвер.

– Ее предложение состояло в том, чтобы мы с вами обсудили этот вопрос.

– Тут нечего обсуждать.

– Так вы отказываетесь?

– Отказываюсь? Естественно, нет.

Не знаю, чего ожидал Пуаро, но вот этого он точно не ожидал. Я редко видел своего друга ошарашенным, и сейчас был как раз такой случай. При этом выглядел он чрезвычайно забавно: челюсть отвисла, брови подняты, глаза выпучены. Пуаро напоминал карикатуру в юмористическом журнале.

– Comment? – вскричал он. – Как такое может быть? Вы не отказываетесь?

– Я в растерянности, месье Пуаро: я не понимаю причины вашего изумления.

– Ecoutez[16 - Послушайте (фр.)], вы действительно желаете развестись со своей женой?

– Естественно, желаю. Она отлично это знает. Я написал ей и подтвердил на словах.

– Написали и подтвердили на словах?

– Да. Полгода назад.

– Но я ничего не понимаю. Я совсем ничего не понимаю.

Лорд Эджвер ничего не сказал.

– Насколько я уяснил, вы принципиально были против развода.

– Мои принципы не должны вас касаться, месье Пуаро. Это правда, что я не развелся со своей первой женой. Совесть не позволила мне сделать это. Мой второй брак – признаю честно – оказался ошибкой. Когда жена предложила развестись, я отказался наотрез. Полгода назад она снова написала мне и настоятельно потребовала развода. Подозреваю, она хотела снова выйти замуж – за какого-то актера кино или еще кого-то. К тому времени мои взгляды претерпели изменения. О чем я и написал ей в своем письме, адресованном в Голливуд. Поэтому мне трудно понять, зачем она направила вас ко мне. Полагаю, тут вопрос денег. – Его губы изогнулись в презрительной ухмылке.

– Очень любопытно, – пробормотал Пуаро. – Очень любопытно. Здесь есть нечто, чего я совсем не понимаю.

– Что касается денег, – продолжал лорд Эджвер, – моя жена ушла от меня по собственному желанию. Если она желает снова выйти замуж, я готов предоставить ей свободу, но не вижу оснований выделять ей какие-то деньги, хоть пенс. Поэтому она ничего не получит.

– Вопрос о каких-либо финансовых договоренностях не стоит.

Лорд Эджвер изогнул брови.

– Должно быть, Джейн выходит за богатого, – язвительно пробормотал он.

– Однако же есть нечто, чего я не понимаю, – сказал Пуаро. Он задумчиво хмурился, на его лице было озадаченное выражение. – Как я понял со слов леди Эджвер, она многократно обращалась к вам через своих адвокатов. Это так?

– Все верно, – сухо подтвердил лорд Эджвер. – Английских, американских – в общем, через адвокатов разного рода, вплоть до мошенников. В конечном итоге, как я сказал, она сама написала мне.

– До этого вы отказывали ей?

– Да.

– Но по получении ее письма вы передумали. Почему вы изменили свое решение, лорд Эджвер?

– Ничего в письме не имело к этому отношения, – резко заявил он. – Просто мои взгляды изменились, и всё.

– Эта перемена была несколько неожиданной.

Лорд Эджвер промолчал.

– Какие особые обстоятельства вынудили вас изменить мнение?

– А вот это мое дело, месье Пуаро. Я не собираюсь обсуждать эту тему. Скажем, я стал видеть все больше преимуществ в том, чтобы разорвать союз, который – простите меня за прямоту – считал унижительным для себя. Мой второй брак был ошибкой.

– Ваша жена говорит то же самое, – тихо произнес Пуаро.

– Вот как?

В глазах лорда Эджвера на одно короткое мгновение появился странный блеск – и тут же исчез. Он встал, своим видом давая понять, что разговор окончен. Мы начали прощаться, и его манеры утратили изначальную чопорность.

– Вы должны простить меня за то, что я перенес нашу встречу. Завтра утром мне предстоит ехать в Париж.

– Замечательно... замечательно.

– Между прочим, на распродажу произведений искусства. Я приглядел одну маленькую статуэтку – совершенной красоты вещицу... но красоты мрачной. Я люблю все мрачное. Всегда любил. У меня своеобразный вкус.

И опять на его лице появилась эта странная улыбка. Я оглядел книги, стоявшие в ближайшем ко мне шкафу. Там были мемуары Казановы, сочинение о маркизе де Саде, еще одно о средневековых пытках.

Я вспомнил, как Джейн Уилкинсон ежилась, когда рассказывала о своем муже. То не было игрой. Все ее эмоции были подлинными. И мне стало интересно, что за человек Джордж Альфред Сент-Винсент Марш, четвертый барон Эджвер.

Он учтиво попрощался с нами и позвонил в колокольчик. Мы вышли из комнаты. В холле нас поджидал похожий на греческого бога дворецкий. Закрывая за собой дверь в библиотеку, я напоследок оглянулся. И едва сдержал восклицание.

Лицо лорда Эджвера успело трансформироваться. Учтивая улыбка уступила место оскалу, в глазах загорелся огонь почти безумной ярости.

Теперь мне стало ясно, почему обе жены сбежали от лорда Эджвера. Зато железная выдержка этого человека привела меня в восхищение. Надо же, всю беседу продержат себя в руках, изображая исключительную вежливость!

Когда мы подходили к парадной двери, дверь справа отворилась и на пороге появилась девушка. При виде нас она сделала шаг назад.

Девушка была высокой и стройной, с темными волосами и чистой белой кожей. Взгляд ее темных глаз на мгновение встретился с моим. В следующее мгновение она метнулась обратно в комнату и закрыла за собой дверь.

Вскоре мы уже были на улице. Пуаро поймал такси. Мы забрались на сиденье, и мой друг велел шоферу везти нас к «Савойю».

– Итак, Гастингс, – сказал Пуаро, – эта встреча прошла совсем не так, как я рассчитывал.

– И правда. Удивительный человек этот лорд Эджвер.

Я рассказал, как оглянулся, прежде чем закрыть дверь библиотеки, и что тогда увидел. Пуаро медленно и задумчиво кивнул.

– Думаю, Гастингс, он очень близко подошел к черте, отделяющей его от сумасшествия. Допускаю, он злоупотребляет многими необычными пороками и под маской спокойствия прячет глубоко укоренившуюся жестокость.

– Неудивительно, что обе жены от него сбежали.

– Вы правы.

– Пуаро, а вы заметили девушку, когда мы уходили? Темноволосую и белокожую?

– Да, я заметил ее, *mon ami*. Молодую даму, которая была чем-то напугана и выглядела несчастной.

– Как вы думаете, кто она?

– Наверное, его дочь. Ведь у него есть дочь.

– Она была так испугана, – медленно проговорил я. – Этот дом слишком мрачен для юной барышни.

– Да, верно... Ну вот, мы и приехали, mon ami. Расскажем ее светлости добрую весть.

Джейн была дома, и клерк за стойкой, поговорив с ней по телефону, сообщил нам, что мы можем подняться наверх. Коридорный проводил нас до номера.

Дверь открыла аккуратная женщина средних лет в очках и с тщательно уложенными седыми волосами. Из спальни раздался низкий и хрипловатый голос Джейн:

– Эллис, это месье Пуаро? Попроси его присесть. Сейчас найду какую-нибудь одежонку и через минуту выйду.

В представлении Джейн Уилкинсон «одежонкой» было тончайшее, как паутинка, negligé, которое больше открывало, чем скрывало.

– Ну? – бодрым шагом проходя в комнату, спросила Джейн.

Пуаро встал и склонился к ее руке.

– Рад сообщить, мадам, что все хорошо.

– Как... что вы имеете в виду?

– Лорд Эджвер полностью согласен на развод.

– Что?

То ли ее изумление было искренним, то ли она действительно была великолепной актрисой.

– Месье Пуаро! У вас все получилось! В одно мгновение! Вы истинный гений! Как, ради всего святого, вам удалось этого добиться?

– Мадам, я не могу принять незаслуженные комплименты. Шесть месяцев назад ваш муж в своем письме снял свои возражения.

– О чем вы говорите? Он мне написал? Куда?

– Как я понял, он писал вам, когда вы были в Голливуде.

– Я не получала никакого письма. Наверное, оно затерялось... Надо же, а я все эти месяцы придумывала, как выкрутиться, строила планы, волновалась и едва не сошла с ума!

– У лорда Эджвера сложилось впечатление, что вы желаете выйти замуж за актера.

– Естественно. Я так ему и сказала. – Джейн улыбнулась и стала похожа на довольного ребенка. Неожиданно ее лицо приняло встревоженное выражение. – Ой, месье Пуаро, вы же не рассказали ему обо мне и герцоге?

– Нет-нет, уверяю вас. Я умею хранить тайны. Ведь этого не надо было делать, верно?

– Видите ли, у него до странности подлая натура. Брак с Мертоном в его глазах выглядел бы как мой шаг вперед – и тогда он обязательно поспешил бы мне нагадить. А с актером все по-другому. Хотя я все равно удивлена. Да, очень. А ты, Эллис, удивлена?

Я уже давно обратил внимание на то, что горничная ходит по комнате и собирает разбросанные повсюду вещи. У меня было стойкое впечатление, что она слушает разговор. Теперь выяснилось, что Эллис пользуется полным доверием Джейн.

– Да, очень, миледи. Его светлость, вероятно, очень сильно изменился с тех пор, – злорадно сказала она.

- Да, вероятно.

- Вы не можете понять его отношение? Оно ставит вас в тупик? - спросил Пуаро.

- О да. Но не надо переживать из-за этого. Какая разница, что заставило его изменить свое мнение, если он его изменил?

- Допускаю, что вам это безразлично, а вот меня это очень интересует, мадам.

Джейн не обратила внимания на его слова.

- Главное - что я свободна... наконец-то.

- Еще нет, мадам.

Она раздраженно посмотрела на него:

- Ну, скоро буду. Это одно и то же.

На лице Пуаро явственно отражалось сомнение.

- Герцог в Париже, - сказала Джейн. - Я должна срочно телеграфировать ему. Моя... его мамаша будет в ярости!

Пуаро поднялся.

- Я рад, мадам, что все обернулось в соответствии с вашим пожеланием.

- До свидания, месье Пуаро, и огромное вам спасибо.

- Я ничего не сделал.

- Как-никак вы принесли мне добрую весть, и я благодарна вам за это. От всей души.

– Вот так-то, – сказал мне Пуаро, когда мы вышли из номера. – Единственная идея – она сама! Ни предположений, ни любопытства по поводу того, что письмо так и не дошло до нее. Обратите внимание, Гастингс, в деловом плане она проницательна сверх меры, а вот интеллекта лишена начисто. Что ж, добрый боженька не способен одаривать всем.

– Вы, Пуаро, исключение, – сухо произнес я.

– Вы смеетесь надо мной, друг мой, – безмятежно проговорил он. – Пойдемте, я хочу прогуляться по набережной. Мне нужно навести порядок в мыслях и систематизировать их.

Я терпеливо хранил молчание, пока оракул не счел нужным заговорить.

– Письмо, – резюмировал он, неторопливо вышагивая вдоль реки. – Оно заинтриговало меня. У проблемы, друг мой, есть четыре решения.

– Четыре?

– Да. Первое: оно затерялось на почте. Такое бывает, знаете ли. Но нечасто. Да, нечасто. Если бы был некорректный адрес, оно уже давно вернулось бы к лорду Эджверу... Нет, я склонен отбросить это решение – хотя, конечно, оно может быть правильным.

Решение второе: наша очаровательная дама лжет, утверждая, что не получала его. Это, конечно, вполне возможно. Наша красавица способна с непосредственностью ребенка произнести любую ложь, если ей так выгодно. Однако я, Гастингс, не вижу, в чем тут ее выгода. Если она знает, что он разведется с ней, зачем ей было посылать меня к нему? Тут нет логики.

Решение третье: лжет лорд Эджвер. Если кто-то и лжет, то, мне кажется, скорее он, чем его жена. Однако я не вижу для него смысла лгать. Зачем придумывать несуществующее письмо, отправленное полгода назад? Почему просто не согласиться на мое предложение? Нет, я склонен думать, что письмо он все же отправил, – хотя что побудило его так неожиданно изменить свое мнение, понять не могу.

Итак, мы подошли к четвертому решению – что кто-то перехватил письмо. И тут, Гастингс, мы ступаем в очень интересную сферу предположений, потому что письмо могли перехватить на обоих концах – в Америке и в Англии. И тот, кто перехватил его, не хотел, чтобы брак распался. Я бы многое отдал, чтобы узнать, что за всем этим стоит. А что-то действительно есть – клянусь вам, Гастингс. – Помолчав, Пуаро медленно добавил: – Нечто такое, на что мне удалось взглянуть только одним глазком.

Глава 5

Убийство

На следующий день было тридцатое июня.

В половину десятого нам доложили, что нас настоятельно желает видеть инспектор Джепп из Скотланд-Ярда. Прошло уже несколько лет с тех пор, как мы виделись с ним в последний раз[17 - Об этом рассказывается в романе А. Кристи «Загадка Эндхауза»].

– Ah, se bon Jarr[18 - А, этот славный Джепп (фр.)], – сказал Пуаро. – Интересно, что ему понадобилось?

– Помощь, – хмыкнул я. – Ему оказалось не по плечу какое-то дело, и он пришел к вам.

Я в отличие от Пуаро относился к Джеппу без всякой снисходительности. И вовсе не потому, что тот эксплуатировал мозги Пуаро – как-никак моему другу это льстило, и работать головой ему нравилось. Меня раздражало лицемерие Джеппа, который делал вид, будто он не пользуется результатами чужого умственного труда. Мне в людях всегда импонировала открытость. Я так и сказал, и Пуаро рассмеялся.

– Гастингс, вы ведь истинный англичанин! Но почему-то забываете, что бедняге Джеппу нужно сохранить лицо. Поэтому-то он и устраивает этот маленький спектакль. Это же естественно.

Я считал, что это глупо, и сказал об этом. Пуаро не согласился.

– Внешняя форма – это *bagatelle*[19 - Пустяк (фр.)], но он очень много значит для людей. Внешняя форма помогает им сохранять *amour propre*[20 - Самолюбие (фр.)].

Лично я считал, что Джеппу не повредило бы хоть раз испытать комплекс неполноценности, однако смысла спорить об этом не видел. Кроме того, мне не терпелось узнать, зачем приехал инспектор.

Он сердечно поприветствовал нас обоих.

– Как я вижу, вы собираетесь завтракать. Ну что, мусье Пуаро, еще не завели кур, которые несли бы для вас квадратные яйца?

Это был намек на давнюю историю, когда мой друг выразил свое недовольство разными размерами яиц и заявил, что тем самым они оскорбляют его чувство соразмерности.

– Пока нет, – улыбнулся Пуаро. – А что привело вас к нам в такой ранний час, мой добрый Джепп?

– Час не ранний – для меня, во всяком случае. Я уже два часа на ногах и по горло завален работой. А привело меня к вам убийство.

– Убийство?

Инспектор кивнул:

– Прошлым вечером в своем доме на Риджент-Гейт был убит лорд Эджвер. Его женой. Заколот ножом в шею.

– Его женой? – воскликнул я.

Я тут же вспомнил те слова, что вчера утром сказал Брайан Мартин. Неужели он предвидел, что должно случиться? Еще я вспомнил, с какой легкостью Джейн рассуждала о том, чтобы «кокнуть» мужа. Аморальная – вот как назвал ее

Брайан Мартин. И ведь она действительно такая. Бессердечная, эгоистичная и глупая. Как же прав он был в своем суждении!

Все эти мысли крутились у меня в голове, а Джепп тем временем продолжал:

– Да. Ну, вы знаете, она актриса. Известная. Джейн Уилкинсон. Вышла за него три года назад. Что-то у них там не заладилось. Она ушла от него.

Вид у Пуаро был озадаченный.

– А что заставило вас предположить, что это она убила его?

– Тут нет никаких предположений. Ее опознали. Да она особо и не скрывалась. Подъехала на такси...

– На такси... – эхом повторил я и сразу вспомнил, что она говорила в «Савойе».

– ...позвонила в звонок, сказала, что хочет видеть лорда Эджвера. Было десять вечера. Дворецкий сказал, что узнает у хозяина. «В этом нет надобности, – холодно заявила она. – Я – леди Эджвер. Думаю, он в библиотеке». Прошла в дом, открыла дверь, зашла внутрь и захлопнула дверь за собой. Дворецкому это показалось странным, но он отмахнулся и ушел к себе. Минут через десять услышал, как хлопнула парадная дверь. Так что пробыла она там недолго. Дворецкий запер дом на ночь около одиннадцати. Заглянул в библиотеку, но там было темно, и он решил, что хозяин ушел спать. На следующее утро тело обнаружила горничная. Удар был нанесен в заднюю часть шеи, чуть ниже линии волос.

– И никто не слышал никаких криков?

– Говорят, что нет. В библиотеке, знаете ли, звуконепроницаемые двери. А на улице шум от движения. При таком ударе смерть наступает почти сразу. Лезвие прошло через какую-то там цистерну в продолговатый мозг, как говорит врач, – или что-то в таком роде. Если нанести удар в нужное место, убить человека можно мгновенно.

– Это предполагает знание того, куда бить. А это уже практически медицина.

- Да... верно. Довод в ее пользу. Но десять к одному, что все получилось случайно. Ей просто повезло. Некоторым людям, знаете ли, сопутствует удивительная удача.

- Какое же тут везение, топ аті, если в результате ей грозит виселица, - заметил Пуаро.

- Это верно. Она повела себя глупо - приехала на такси, назвала свое имя, ну и все такое прочее.

- Действительно, очень любопытно.

- Возможно, она не намеревалась убивать. Они поссорились, и она схватила перочинный ножик и ударила его.

- Так это был перочинный ножик?

- Что-то в этом роде, как говорят врачи. Что бы это ни было, она унесла его с собой. В ране он не остался.

Пуаро недовольно покачал головой:

- Нет-нет, друг мой, все было не так. Я знаю эту даму. Она не способна на вспыльчивость, на импульсивные действия. Кроме того, маловероятно, чтобы у нее с собой был перочинный ножик. Некоторые женщины носят с собой такие ножи, но только не Джейн Уилкинсон.

- Так вы, мусье Пуаро, говорите, что знаете ее?

- Да. Я ее знаю.

Дальше он ничего не сказал. Джепп устремил на него вопросительный взгляд. Наконец он не вытерпел:

- Мусье Пуаро, у вас туз в рукаве?

– О! – произнес тот. – Вы как раз напомнили... Что привело вас ко мне? А? Ведь не желание провести день в обществе старого друга? Наверняка нет. У вас есть ничем не прикрытое убийство. У вас есть преступник. У вас есть мотив... кстати, а каков мотив?

– Хотела выйти за другого. Кто-то слышал, как она рассказывала об этом меньше недели назад. Еще слышали, как она угрожала. Говорила, что подъедет на такси и кокнет его.

– А! – сказал Пуаро. – Вы очень-очень хорошо осведомлены... очень осведомлены. Некто оказал вам большую услугу.

Мне показалось, что в глазах инспектора появился вопрос, но, если и так, Джепп промолчал.

– Мы многое слышим, мусье Пуаро, – невозмутимо произнес он.

Мой друг кивнул и потянулся к открытой утренней газете. Ее читал Джепп, пока ждал нас, а потом отложил в сторону, когда вошел в комнату. Пуаро машинально закрыл ее, сложил и разгладил. Его взгляд был прикован к газете, но мозг его трудился над решением какой-то загадки.

– Вы так и не ответили, – наконец сказал он. – Раз все так гладко, зачем вы пришли ко мне?

– Я слышал, что вчера утром вы были на Риджент-Гейт.

– Ясно.

– И, только узнав об этом, я сказал себе: «Тут что-то есть». Его светлость послал за мусье Пуаро. Зачем? Что он заподозрил? Чего боялся? И я решил: прежде чем предпринимать конкретные действия, надо бы пойти к нему и поговорить.

– Что вы имеете в виду под «конкретными действиями»? Арест дамы, как я понимаю?

– Именно.

– Вы еще с ней не виделись?

– О, виделся. Первым делом поехал в «Савой». Не хотел рисковать – а вдруг она сбежала бы...

– А! – сказал Пуаро. – Так вы... – Он замолчал. До этого мгновения его невидящий взгляд был устремлен на лежавшую перед ним газету, но тут он поднял голову и заговорил совсем другим тоном: – И что же она сказала? А, друг мой? Что она сказала?

– Я, естественно, выдал ей обычный набор насчет желания сделать заявление и предостерег ее... вы не можете утверждать, что английская полиция несправедлива.

– На мой взгляд, она именно такова, причем до глупости. Но продолжайте. Что сказала миледи?

– Впала в истерику... вот что она устроила. Хохотала до упаду, заламывала руки, а в конечном итоге повалилась на пол. О, она великолепно сыграла – отдаю ей должное. Мастерская игра.

– А! – бесстрастно произнес Пуаро. – Значит, у вас сложилось впечатление, что ее истерика была фальшивой?

Джепп по-свойски подмигнул:

– А вы что думаете? Меня такими трюками не проведешь. Она не падала в обморок – нет! А вот пыталась, это точно. Клянусь, она играла с удовольствием.

– Да, – задумчиво сказал Пуаро. – Должен признаться, это было вполне возможно. Что дальше?

– Эх, в общем, она пришла в себя... в смысле сделала вид. И застонала... она стонала и стонала, а ее горничная с кислой физиономией хлопотала вокруг нее с нюхательной солью, пока хозяйка не пришла в себя настолько, чтобы вызвать адвоката. Она вообще отказалась говорить без адвоката. То у нее истерика, то она требует адвоката – и я вас спрашиваю, сэр, разве это естественное

поведение?

- В данном случае - вполне естественное, я бы сказал, - спокойно ответил Пуаро.

- Вы хотите сказать, что это потому, что она виновна и знает это?

- Вовсе нет, я хочу сказать, что это из-за ее темперамента. Сначала она выдает вам свое понимание того, как надо играть роль жены, которая неожиданно узнает о смерти мужа. Затем, после того как удовлетворила свой актерский инстинкт, данная ей природой дальновидность вынуждает ее послать за адвокатом. То, что она искусственно создает роли и с удовольствием играет их, не является доказательством ее вины. Это указывает исключительно на то, что она прирожденная актриса.

- Ну, я не допускаю мысли, что она невиновна. Такое точно невозможно.

- Вы очень самоуверенны, - сказал Пуаро. - Я предполагаю обратное. Вы говорите, она не делала заявлений? Никаких?

Джепп усмехнулся:

- Сказала, что без адвоката не произнесет ни слова. Горничная телефонировала ему. Я оставил там двоих из моих людей и поехал к вам. Хотел поучиться у вас уму-разуму и понять, что происходит, прежде чем продолжать.

- И все же вы абсолютно уверены?

- Естественно, я уверен. Но хотел бы иметь как можно больше фактов. Видите ли, это убийство наделает много шума. Провести расследование тайком не удастся. Газеты просто вцепятся в него. А вы знаете, что такое газеты.

- Кстати, о газетах, - сказал Пуаро. - Как объясните вот это, друг мой? Вы не очень внимательно читали утреннюю прессу.

Его палец уперся в раздел светских новостей. Джепп принялся читать вслух:

– «Званный ужин, устроенный сэром Монтегю Корнером вчера вечером в его доме на реке в Чизике, имел огромный успех. Среди гостей были сэр Джордж и леди дю Фисс, мистер Джеймс Блант, известный театральный критик, сэр Оскар Хаммерфелдт из киностудии «Овертон», мисс Джейн Уилкинсон (леди Эджвер) и другие».

Джепп явно был ошарашен. Но через мгновение он оправился:

– А при чем тут это? Эту штуку отправили в газету заранее. Вот увидите. Вы увидите, что нашей дамочки там не было или что она приехала с опозданием – часов в одиннадцать или около того. Господь с вами, сэр, не надо верить всем сплетням, что появляются в газетах. Уж вам это известно лучше других.

– О! Это да. Просто данная новость показалась мне любопытной, вот и всё.

– Совпадения случаются. Мусье Пуаро, я по горькому опыту знаю, что вы закрыты, как устрица. Но, может, все же снабдите меня кое-какими сведениями, а? Расскажите, зачем лорд Эджвер посылал за вами?

Пуаро покачал головой.

– Лорд Эджвер не посылал за мной. Это я попросил его о встрече.

– Серьезно? А по какой причине?

Мой друг с минуту колебался.

– Я отвечу на ваш вопрос, – медленно проговорил он. – Но отвечу на него по-своему.

Джепп застонал. Мне даже стало жалко его. Временами Пуаро может страшно раздражать.

– Я попрошу, – продолжал тот, – чтобы вы дали мне разрешение позвонить одному человеку и пригласить его сюда.

– Какому человеку?

– Брайану Мартину.

– Кинозвезде? А он тут при чем?

– Думаю, – сказал Пуаро, – что он сможет рассказать вам много интересного – и полезного. Гастингс, сделайте одолжение!

Я взял телефонную книгу. Актер жил в квартире в жилом комплексе недалеко от Сент-Джеймс-парка.

– Виктория сорок девять, четыре, девять, девять.

Через несколько минут раздался немного сонный голос Брайана Мартина:

– Алло! Кто говорит?

– Что мне сказать? – прошептал я, прикрыв ладонью микрофон.

– Скажите ему, – ответил Пуаро, – что лорд Эджвер убит и что он окажет мне огромную услугу, если немедленно приедет сюда.

Я повторил все слово в слово. На том конце я услышал изумленный возглас.

– Господи, – произнес Мартин. – Все-таки она это сделала!.. Я скоро буду у вас.

– Что он сказал? – спросил Пуаро. Я пересказал. – А! – Кажется, он был доволен. – «Все-таки она это сделала...» Он именно так сказал? Все, как я и думал, как я и думал.

Джепп с любопытством уставился на него.

– Никак не пойму вас, мусье Пуаро. Сначала вы даете мне понять, будто считаете, что женщина этого не делала. А сейчас говорите, будто с самого начала все знали...

Пуаро лишь улыбнулся.

Глава 6

Вдова

Брайан Мартин оказался верен своему слову. Он присоединился к нам менее чем через десять минут. Пока мы его ждали, Пуаро говорил только на посторонние темы и отказывался удовлетворить любопытство Джеппа.

Нам стало очевидно, что новость страшно расстроила молодого актера. Он осунулся и был очень бледен.

– Господи, месье Пуаро, – произнес он, пожимая руки, – какой ужас. Я потрясен... но не удивлен. Я всегда подозревал, что может случиться нечто подобное. Вы же помните, я только вчера об этом говорил.

– Mais oui, mais oui[21 - Ну да, ну да (фр.)], – сказал мой друг. – Я отлично помню, что вы мне вчера говорили. Позвольте представить вам инспектора Джеппа, который расследует это дело.

Брайан Мартин с укоризной посмотрел на Пуаро.

– А я не знал, – пробормотал он. – Что же вы не предупредили! – Холодно кивнул инспектору и сел. – Не понимаю, зачем вы попросили меня прийти. Все это не имеет ко мне отношения.

– Я думаю, имеет, – мягко произнес Пуаро. – В случае убийства следует отбрасывать в сторону свое личное отвращение.

– Нет-нет. Я играл с Джейн. Я хорошо ее знаю. К черту все, она мой друг.

– Однако едва вы услышали о том, что лорд Эджвер убит, вы тут же сделали вывод, что именно она убила его, – сухо заметил Пуаро.

Актер вздрогнул.

- Вы хотите сказать?.. - У него глаза едва не вылезали на лоб. - Вы хотите сказать, что я ошибаюсь? Что она не имеет к убийству отношения?

В разговор вмешался Джепп:

- Нет, мистер Мартин. Это она убила его, точно.

Актер расслабленно откинулся на спинку стула.

- На какое-то короткое мгновение мне показалось, - пробормотал он, - что я совершил ужасающую ошибку.

- В данном случае вы не должны допускать, чтобы на вас влияла дружба, - решительно произнес Пуаро.

- Все это замечательно, но...

- Друг мой, вы серьезно хотите принять сторону женщины, которая совершила убийство? Ведь убийство - это самое отвратительное из человеческих преступлений.

Брайан Мартин вздохнул:

- Вы не понимаете, Джейн не обычная убийца. Она... она не чувствует разницы между плохим и хорошим. Если честно, то она не несет никакой ответственности.

- А вот это уже будут решать присяжные, - сказал Джепп.

- Ладно вам, - дружелюбно произнес Пуаро. - Вы же не обвиняете ее. Ее уже без вас обвинили. Однако вы не можете отказать нам в том, чтобы рассказать все, что вам известно. Это ваш долг перед обществом, молодой человек.

– Наверное, вы правы, – сказал Брайан Мартин. – Что вы хотите от меня услышать?

Пуаро перевел взгляд на Джеппа.

– Вы когда-нибудь слышали, чтобы леди Эджвер – я предпочел бы назвать ее мисс Уилкинсон – произносила угрозы в адрес своего мужа? – спросил инспектор.

– Да, несколько раз.

– Что она говорила?

– Она говорила, что, если тот не даст ей свободу, она «кокнет» его.

– И это не было шуткой, да?

– Да. Я думал, Джейн говорила серьезно. Однажды она сказала, что возьмет такси, приедет к нему и убьет его. Вы ведь тоже слышали это, месье Пуаро? – с жалостным видом обратился актер к моему другу.

Тот кивнул.

Джепп продолжил задавать вопросы:

– Мистер Мартин, нам известно, что она хотела получить свободу, чтобы выйти замуж за другого. Вы знаете, за кого именно? – Брайан кивнул. – И кто же это?

– Это... герцог Мертон.

– Герцог Мертон! Надо же! – Инспектор присвистнул. – Высоко замахнулась, а? Говорят, он один из богатейших людей Англии.

Брайан уныло кивнул.

Я никак не мог понять отношения Пуаро. Он сидел в своем кресле, откинувшись на спинку и сложив вместе пальцы, и ритмично кивал. Всем своим видом он

напоминал человека, который поставил на граммофон выбранную запись и теперь с наслаждением слушает.

- А муж соглашался на развод?

- Нет, он категорически отказывался.

- Вы знаете это наверняка?

- Да.

- А теперь, мой добрый Джепп, - сказал Пуаро, внезапно решив вмешаться в беседу, - я объясню, как оказался сам замешан в этом деле. Леди Эджвер попросила меня встретиться с ее мужем и уговорить его дать согласие на развод. Встреча была назначена на сегодняшнее утро.

Брайан Мартин замотал головой.

- Вы все равно ничего не добились бы, - уверенно заявил он. - Эджвер никогда не согласился бы.

- Вы так думаете? - спросил Пуаро, благожелательно глядя на него.

- Я уверен в этом. Джейн и сама знала это в глубине души. Она сомневалась, что у вас что-нибудь получится, и уже оставила надежду. У этого человека мономания на предмет развода.

Пуаро улыбнулся. Цвет его зеленых глаз вдруг стал ярче.

- Вы ошибаетесь, мой дорогой молодой человек, - ласково сказал он. - Вчера я виделся с лордом Эджвером, и он согласился на развод.

Эта новость, совершенно очевидно, поразила Брайана Мартина настолько, что он лишился дара речи и уставился на Пуаро. Затем, запинаясь, произнес:

- Вы... вы вчера с ним виделись?

– В двенадцать с четвертью, – ответил мой друг, в своей обычной манере точно называя время.

– И он согласился на развод?

– Он согласился на развод.

– Почему вы сразу не сообщили об этом Джейн? – с упреком воскликнул актер.

– Я сообщил, мистер Мартин.

– Сообщили? – хором вскричали оба, Мартин и Джепп.

Пуаро улыбнулся.

– И это портит мотив, не так ли? – сказал он. – А теперь, месье Мартин, позвольте обратить ваше внимание вот на это.

Он показал актеру заметку в газете. Брайан прочитал ее без особого интереса.

– Вы хотите сказать, что это дает ей алиби? – спросил он. – Полагаю, Эджвера застрелили вчера вечером?

– Его ударили ножом, а не застрелили, – уточнил Пуаро.

Мартин медленно отложил газету.

– Боюсь, от этого нет никакой пользы, – с сожалением произнес он. – Джейн не поехала на этот ужин.

– Откуда вы знаете?

– Кто-то мне сказал, я уже не помню.

– Какая жалость, – задумчиво проговорил Пуаро.

Джепп вопросительно посмотрел на него:

– Никак не поймешь вас, мусье. Теперь мне кажется, что вам совсем не хочется, чтобы эта дамочка оказалась виновной...

– Нет-нет, мой добрый Джепп. Не считайте меня ее приверженцем. Тут иное. Признаюсь честно, то, как вы преподносите это дело, порождает возмущение ума.

– В каком смысле возмущение ума? Мой ум оно не возмущает.

Я видел, как у Пуаро задрожали губы: слова так и рвались у него с языка, но он сдержался:

– Перед нами молодая женщина, которая желает, как вы утверждаете, избавиться от своего мужа. По поводу этого я спорить не буду. Она сама мне об этом говорила. *Eh bien*, как она собирается это сделать? Она несколько раз ясно и четко, вслух, при свидетелях повторяет, что подумывает о том, чтобы убить его. Затем в один из вечеров приезжает к нему домой, называет себя, закалывает его ножом и уходит. Как вы назовете все это, друг мой? В этих действиях есть хоть капля здравого смысла?

– Глупо, конечно, все это выглядит...

– Глупо? Да это полное безумие!

– Ну, – сказал Джепп, вставая, – полиции только польза от того, что преступники сходят с ума. Я должен ехать в «Савой».

– Вы разрешите мне сопровождать вас?

Джепп не возражал, и мы отправились в путь. Брайан Мартин с видимой неохотой покинул нас. Кажется, им владело сильное нервное возбуждение. Прежде чем уйти, он горячо попросил, чтобы ему сообщали обо всех обстоятельствах, касающихся расследования этого дела.

– Какой-то нервный тип, – прокомментировал Джепп.

Пуаро согласился.

В «Савойе» мы встретились с только что прибывшим в гостиницу солидным джентльменом и все вместе направились в номер Джейн.

- Есть что? - осведомился Джепп у одного из своих сотрудников.

- Она захотела воспользоваться телефоном.

- Кому она звонила? - встрепнулся инспектор.

- В контору Джея. По поводу похорон.

Джепп еле слышно чертыхнулся. Мы вошли в номер.

Овдовевшая леди Эджвер примеряла шляпки перед зеркалом. Она была одета в нечто тонкое и полупрозрачное черно-белого цвета и приветствовала нас чарующей улыбкой.

- Ах, месье Пуаро, как мило, что вы пришли. Мистер Моксон, - обратилась она к солидному джентльмену (он оказался адвокатом), - рада видеть вас. Присаживайтесь вот сюда, рядом со мной, и рассказывайте, на какие вопросы мне надо отвечать. Кажется, этот человек думает, что я сегодня приехала к Джорджу и убила его.

- Вчера вечером, мадам, - уточнил Джепп.

- Вы говорили, что сегодня утром. В десять.

- Я сказал в десять пополудни.

- Ой, я всегда путаю - пополудни, полночи...

- Сейчас как раз около десяти часов, - суровым тоном добавил инспектор.

Глаза Джейн широко распахнулись.

– Мерси, – пробормотала она. – Я уже давно не просыпалась так рано. Вероятно, когда вы пришли, был ранний рассвет.

– Один момент, инспектор, – весомо произнес мистер Моксон своим официальным голосом. – Я желал бы понять, когда произошло это... прискорбное... шокирующее... событие.

– Вчера вечером, около десяти часов, сэр.

– О, ну тогда всё в порядке, – уверенно сказала Джейн. – Я была на приеме. Ой! – Она внезапно прикрыла рукой рот. – Наверное, мне не следовало говорить об этом. – И устремила робкий взгляд на адвоката.

– Если вы, леди Эджвер, вчера вечером в десять часов были... э-э... на приеме, я... э-э... не вижу никаких препятствий к тому, чтобы вы проинформировали инспектора об этом факте... никаких препятствий.

– Ясно, – сказал Джепп. – Я всего лишь попросил вас сообщить о ваших передвижениях вчера вечером.

– Вы не просили. Вы сказали: в десять «по чему-то». И вообще, вы страшно шокировали меня. Я буквально упала замертво, мистер Моксон.

– Леди Эджвер, а что насчет приема?

– Его устраивал сэр Монтегю Корнер. В Чизике.

– В котором часу вы отправились туда?

– Ужин был назначен на половину девятого.

– А отсюда вы выехали... когда?

- Я тронулась в путь примерно в восемь. На минутку заехала в «Пикадилли-пэлес», чтобы попрощаться с одной знакомой американкой, которая уезжала в Штаты, - это миссис ван Дузен. В Чизике я была без четверти девять.

- В котором часу вы оттуда уехали?

- Примерно в половине двенадцатого.

- Вы поехали прямо сюда?

- Да.

- На такси?

- Нет. На собственной машине. Я арендую ее у «Даймлера».

- Во время приема вы никуда не отлучались?

- Ну... я...

- Значит, отлучались? - Джепп напомнил терьера, почуявшего крысу.

- Я не знаю, что вы имеете в виду. Когда мы сидели за столом, меня позвали к телефону.

- Кто вам звонил?

- Думаю, это был какой-то розыгрыш. Голос в трубке спросил: «Это леди Эджвер?» Я ответила: «Да, все верно», - они расхохотались и отключились.

- Вы выходили из дома, чтобы поговорить по телефону?

Во взгляде Джейн было искреннее недоумение.

- Естественно, нет.

– Как долго вы отсутствовали за столом?

– С полторы минуты.

После этого Джепп сдался. Я был абсолютно убежден в том, что он не поверил ни единому слову, однако, прежде чем что-либо предпринимать, ему надо было опровергнуть или подтвердить ее историю. Холодно поблагодарив Джейн, инспектор удалился.

Мы тоже собрались уходить, но Джейн остановила Пуаро:

– Месье Пуаро, вы могли бы кое-что для меня сделать?

– Конечно, мадам.

– Телеграфируйте от моего имени герцогу в Париж. Он в «Крийоне». Нужно сообщить ему о случившемся. Я не хочу делать это сама. Боюсь, мне придется неделю или две изображать из себя безутешную вдову.

– Телеграфировать надобности нет, мадам, – сказал Пуаро. – Завтра об этом будут кричать все газеты.

– Вы просто кладезь мудрости! Вы абсолютно правы. Лучше не телеграфировать. Я чувствую, что теперь, когда все разъяснилось, нужно твердо следовать правилам. Я хочу держаться, как положено вдове. С достоинством, понимаете ли. Я подумывала о том, чтобы послать букет из орхидей. Они самые дорогие. Вероятно, мне придется пойти на похороны. Что вы думаете?

– Сначала вам, мадам, придется пройти через дознание.

– А что, наверное, это так. – Она ненадолго задумалась. – Не понравился мне этот инспектор из Скотланд-Ярда. Напугал меня до смерти... Месье Пуаро!

– Да?

– Похоже, мне повезло, что я передумала и все же поехала на прием.

Мой друг уже шел к двери, однако при этих словах он развернулся:

- О чем вы говорите, мадам? Вы передумали?

- Да. Я не собиралась никуда ехать. Вчера днем у меня дико разболелась голова.

Пуаро судорожно сглотнул. Кажется, к нему не сразу вернулся дар речи.

- Вы... вы кому-нибудь говорили об этом? - наконец спросил он.

- Естественно. Мы большой компанией пили чай, и все звали меня на коктейльную вечеринку. А я говорила: «Нет». Сказала, что у меня раскалывается голова и что я вернусь домой и даже не поеду на ужин.

- Мадам, а что заставило вас передумать?

- На меня набросилась Эллис. Сказала, что я не вправе так поступать. Старый сэр Монтегю, знаете ли, держит в своих руках все нити, а он ужасно капризен - и легко обижается. Ну, а меня все это не заботило. Раз я выхожу за Мертон, все это меня больше не касается. Но Эллис всегда осторожничает. Она сказала, что не исключены случайности и все такое, и после этого я решила, что она права. В общем, я поехала.

- Вы в огромном долгу перед Эллис, мадам, - совершенно серьезно сказал Пуаро.

- Наверное, да. Тот инспектор все это записал и перепечатал, да?

Она рассмеялась. Пуаро же не засмеялся. Он сказал, понизив голос:

- И все равно... тут есть над чем задуматься. Да, есть над чем задуматься.

- Эллис, - позвала Джейн.

Горничная появилась из соседней комнаты.

– Месье Пуаро говорит, что мне очень повезло, когда ты вчера заставила меня ехать на прием.

Эллис скользнула взглядом по Пуаро. Выражение на ее лице было угрюмым и недовольным:

– Негоже нарушать договоренности, миледи. А вы этим балуетесь. Бывает, что люди не прощают этого. И обижаются.

Джейн взяла в руки шляпку, которую примеряла перед нашим приходом, и надела ее.

– Ненавижу черный, – печально проговорила она. – И никогда не ношу его. Но сейчас придется – ведь я правильная вдова... Все эти шляпки просто ужасны. Эллис, звони в тот шляпный магазин. Я не могу появляться на людях в таком виде.

Мы с Пуаро тихо выскользнули из комнаты.

Глава 7

Секретарь

Как выяснилось, предыдущий визит Джеппа был не последним. Он заявился к нам примерно час спустя, бросил свою шляпу на стол и чертыхнулся.

– Вы навели справки? – с сочувствием спросил Пуаро.

Инспектор мрачно кивнул.

– Если четырнадцать человек не лгут, то она этого не делала, – проворчал он. – Не буду скрывать, мусье Пуаро, что я ожидал какой-нибудь подставы. Но в свете этого не вижу, кто еще мог убить лорда Эджвера. Она единственная, у кого было хоть какое-то подобие мотива.

- Я бы так не сказал. Mais continuez[22 - Однако продолжайте (фр.)].

- В общем, как уже сказал, я ожидал подставы. Вы же знаете, что собой представляет этот театральный люд - они готовы горой стоять за своего. Здесь же диспозиция иная. Вчера на приеме были одни «шишки», они не входят в круг ее близких друзей, а некоторые вообще с ней не знакомы. Так что их показания объективны и надежны. Тогда я решил выяснить, а не пропала ли она на полчаса. Ведь она вполне могла уйти - попудрить носик или под другим предлогом. Но нет, она вставала из-за стола, только чтобы ответить на телефонный звонок, как она нам и говорила, причем во время разговора рядом с ней был дворецкий - короче, все было так, как она рассказывала. Дворецкий слышал, как она сказала: «Да, все верно. Я леди Эджвер». А потом на другом конце отсоединились. Что крайне любопытно, между прочим. Хотя к нашему делу отношения не имеет.

- Возможно, нет... но интересно. Кто звонил, мужчина или женщина?

- Кажется, она сказала, что женщина.

- Любопытно, - задумчиво произнес Пуаро.

- Не берите в голову, - с нетерпением сказал Джепп. - Давайте вернемся к более важным аспектам. Весь вечер прошел именно так, как она рассказывала. Приехала туда без четверти девять, уехала в половине двенадцатого и вернулась домой без четверти двенадцать. Я виделся с шофером, который вез ее, - он один из постоянных сотрудников «Даймлера». Да и в «Савойе» многие видели ее и подтвердили время.

- Eh bien, все это вполне убедительно.

- А как же те двое на Риджент-Гейт? Ведь ее видел не только дворецкий, но и секретарь лорда Эджвера. Оба клянутся, что в десять вечера приехала именно леди Эджвер.

- И давно у них служит это дворецкий?

- Полгода. Красивый парень, кстати.

- Да, действительно. Eh bien, друг мой, если он служит там всего полгода, то просто не смог бы узнать леди Эджвер, так как никогда ее там не видел.

- Ну, он знал ее по фотографиям в газетах. А вот секретарь знакома с ней. Она работает у лорда Эджвера пять или шесть лет, и она единственная, кто полностью уверен.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

1

Красивая женщина (фр.). - Здесь и далее прим. пер.

2

Мой дорогой (фр.).

3

Но да, это верно (фр.).

4

Она артистка (фр.).

5

Как-как? (фр.)

6

Жанр, стиль (фр.).

7

Не мое ремесло (фр.).

8

«Мэйфлауэр» – название английского судна, на котором пересекли Атлантический океан 102 пилигрима из Старого Света – первые поселенцы Новой Англии.

9

ДООУ – Драматическое общество Оксфордского университета.

10

Итак (фр.).

11

Почему бы нет? (фр.)

12

Слава богу (фр.).

13

Действительно (фр.).

14

Продолжайте (фр.).

15

Превосходно! (фр.)

16

Послушайте (фр.).

17

Об этом рассказывается в романе А. Кристи «Загадка Эндхауза».

18

А, этот славный Джепп (фр.).

19

Пустяк (фр.).

20

Самолюбие (фр.).

21

Ну да, ну да (фр.).

22

Однако продолжайте (фр.).

Купить: <https://tn.knigapoisk.com/ru/agata-kristi/smert-lorda-edzhvera-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)